

МНЕНИЕ

Какова роль СПГ из США на газовом рынке Европы

Андрей Конопляник,
профессор РГУ
имени И.М. Губкина

ФОТО: Игорь Столякин/PhotoXPress

Самые заметные правые партии в Европе

Франция: «Национальное объединение» Марин Ле Пен (восемь из 577 мест в Национальном собрании, 16 мест из 751 в Европарламенте).
Италия: партия «Лига» во главе с министром внутренних дел Маттео Сальвини (122 места из 620 в Национальном собрании, пять мест в Европарламенте).
Великобритания: Партия независимости Соединенного Королевства Найджела Фараджа (не представлена в палате общин, три места в палате лордов, 24 в Европарламенте).
ФРГ: «Альтернатива для Германии» (94 из 709 мест в бундестаге, два в Европарламенте).
Австрия: Австрийская партия свободы во главе с вице-канцлером Хайнцем-Кристианом Штрахе (51 из 183 мест в парламенте, четыре в Европарламенте).
Венгрия: «Фидес» (Венгерский гражданский союз) во главе с премьер-министром Виктором Орбаном (133 из 199 в национальном парламенте, 12 в Европарламенте).
Швеция: «Шведские демократы» (62 из 349 в национальном парламенте, два в Европарламенте).

темы международных отношений, в том числе связей с Москвой, являются для них периферийными, пояснил Минченко. Вдобавок, напомнил он, инициатива Бэннона не первый случай взаимодействия американских консерваторов с националистами в Европе. В качестве примера Минченко назвал экспорт из США в Британию политических технологий, задействованных сторонниками выхода из Евросоюза. Кампания сторонников Brexit пользовалась услугами консалтинга Cambridge Analytica, который работал на кампанию Трампа и который связан с семьей Мерсер — доноров Республиканской партии в США, напомнил собеседник РБК. Так или иначе, открытая поддержка Россией новой инициативы Бэннона оказалась бы ультраправым медвежьей услугой, отмечает Тэвдой-Бурмули: «Европейцы участие Москвы в подобных форумах воспримут как углубление ее влияния в дела Европы». «Если Россия будет как-то задействована в подобном проекте, то, полагаю, лишь в амплу наблюдателя», — добавил эксперт, предположив, что российский истеблишмент может быть представлен в «Движении» разве что ЛДПР или оставшимися участниками партии «Родина». ■

Российский газ остается дешевле американского СПГ, однако лоббистские усилия США и страхи перед «доминированием» «Газпрома» заставляют Европу выбирать неверную логику.

Цепочка последних событий во взаимоотношениях между США и Европейским союзом в газовой сфере позволяет еще раз задуматься о методах обеспечения политики американского энергетического доминирования (US Energy Dominance), заявленной в качестве одной из внешнеэкономических целей президента США Дональда Трампа.

Речь прежде всего о попытках продвижения американского СПГ на европейский газовый рынок, причем участвуют в нем помимо США и некоторые страны ЕС.

В этом ряду можно отметить: — антироссийские санкции против энергетических проектов (в первую очередь против трубопроводного проекта «Северный поток-2»);

— предлагаемые искусственные барьеры для российского газа путем изменения системы регулирования газового рынка ЕС (проект Quo Vadis Еврокомиссии);

— результаты саммита США — ЕС 25 июля 2018 года, предусматривающие закупки американского СПГ Евросоюзом и частичное финансирование за счет ЕС еще 14 проектов СПГ дополнительной мощностью 15 млрд куб. м в год. И это при наличии неостребованных мощностей СПГ в 150 млрд куб. м в год, преимущественно в Восточной Европе — в зоне исторического доминирования российского газа;

— законодательная инициатива «Акт о европейской энергобезопасности и диверсификации», выдвинутая 10 октября 2018 года сенаторами Кристофером Мерфи и Роналдом Джонсоном. Законопроект предполагает выделение \$1 млрд в течение 2019/23 финансовых годов для американского финансирования европейских энергетических проектов, в том числе и в Восточной Европе (терминалы СПГ, трубопроводы-интерконнекторы, реверсные мощности, подземные газохранилища), что, по мнению автора законопроекта конгрессмена Мерфи, поможет «разомкнуть европейские клещи Путина и создать рабочие места в США».

А 17 октября энергетический рынок всколыхнула весть о том, что польская компания PGNiG заключила обязывающее соглашение с американским производителем СПГ компанией Venture Global о покупке 2 млн т СПГ в год в равных долях с двух ее не построенных пока заводов в Мексиканском заливе начиная с 2022 года, то есть

с того времени, когда истечет текущий контракт PGNiG с «Газпромом» на поставку российского трубопроводного газа в Польшу. Глава PGNiG Петр Возняк заявил при этом, что американский СПГ якобы обойдется его компании на 20–30% дешевле, чем российский газ. Интерпретация этой новости на первый взгляд однозначна: СПГ из США придет в Польшу, где будет дешевле и заместит российский трубопроводный газ. Однако так ли это? И как эта новость вписывается в долгосрочную политику руководства США и ЕС по продвижению американского СПГ в Европу?

Игра с ценами

Дьявол, как известно, в деталях, поэтому прежде всего необходимо разобраться с известными деталями этого контракта PGNiG.

Во-первых, он заключен не на условиях поставки газа в Польшу, то есть не на условиях DES (delivery-ex-ship), а на условиях закупки СПГ на терминале/заводе в США (на условиях FOB — free-on-board), после чего ставший «польским» на борту танкера в порту отгрузки СПГ пойдет необязательно в Польшу, а туда, где лучше ценовая конъюнктура. Это подтвердил и сам Возняк. Скорее всего, это будет азиатский рынок, где цены на СПГ исторически выше, чем в Европе.

Во-вторых, само утверждение, что американский газ на 20–30% дешевле российского, не соответствует действительности. Почему? Потому что подобное надо сравнивать с подобным: цены FOB — с ценами FOB, а не с ценами DES и наоборот. То есть сравнивать нужно не закупочную цену СПГ США на условиях FOB с завода в США, а цену полученного из него сетевого газа в Польше (цену FOB плюс затраты на транспортировку, регазификацию, доставку от регазификационного терминала на побережье до потребителя в глубине страны). «Разница» 20–30% с лихвой съедается при корректном сопоставлении.

Скорее всего, глава PGNiG использовал некорректное сравнение, чтобы надавить на «Газпром» в преддверии переговоров о возможном перезаключении контракта на период после 2022 года. Тема остается актуальной, хотя в Польше, особенно после первого танкера с американским СПГ и визита Трампа в июле 2017 года, и говорят, что не будут продлевать контракт с российской компанией.

Заметим, что, даже если бы контракт PGNiG был заключен на условиях DES (с доставкой на приемный терминал СПГ в польском Свиноустье), это вовсе не означало, что конечным получателем газа был бы польский потребитель. С приемного терминала для СПГ открыто три пути:

— регазификация и поставка в трубопроводную сеть страны для продажи отечественному потребителю;

— то же, но для реэкспорта в третьи страны ЕС либо стремление превратить Польшу в газовый хаб для Восточной Европы на основе закупок американского СПГ — одна из заявленных целей польского правительства. Однако для этого требуются инвестиции в создание реверсных мощностей на трубопроводах-интерконнекторах, что постепенно и делается на европейские и американские деньги;

— перегрузка на терминале на СПГ-танкеры меньшего дедвейта или в железнодорожные и/или автомобильные СПГ-цистерны для реэкспорта морем или сушей в виде малотоннажного СПГ в третьи страны ЕС.

Наконец, заключение контракта Venture Global с PGNiG на будущие поставки, похоже, сегодня выгоднее самой американской компании. По обоим заводам СПГ, действующим в контракте, не только не приняты окончательные инвестиционные решения (FID), но и не получены разрешения на строительство от Федеральной комиссии США по энергетическому регулированию и на экспорт от Министерства энергетики. Юридически обязывающее соглашение на закупку СПГ является необходимым условием для привлечения проектного финансирования на строительство заводов СПГ, но не гарантирует успешной реализации проекта и вступления в силу подписанного PGNiG соглашения.

Глобальная конкуренция

Хорошо известно, что рынок газа в Европе вышел на стадию насыщения: спрос на газ резко замедлил рост или стагнирует, а по прогнозам институтов, связанных с Еврокомиссией или конкурирующими с газом отраслями, — будет снижаться (вопрос, как считать). Но в любом случае признано, что импортный спрос на газ будет расти: снижается внутренняя добыча газа в ЕС (прежде всего на голландском месторождении Гронинген, которому из-за техногенных мини-землетрясений грозит полное закрытие, а также в Северном море), происходит вытеснение угля (экология) и АЭС (радиационная безопасность, сжатие зоны «базисной нагрузки») для АЭС в условиях разуплотнения графика потребления электроэнергии). В итоге покрытие дополнительного импортного спроса в континентальной Европе — это зона конкуренции российского трубопроводного газа и импортного СПГ.

При этом политическое руководство ЕС видит импортный СПГ в качестве предпочтительной аль-

тернативы российскому газу, исходя из соображений диверсификации (источники и маршруты поставок и поставщиков) и «надежности» поставок («фантомные боли» транзитных газовых российско-украинских январских кризисов 2006 и 2009 годов). Сегодняшняя конкурентная ниша, которую занял российский трубопроводный газ в газовом импорте ЕС (одна треть импорта), расценивается многими политиками как недопустимое доминирование «Газпрома», противоречащее интересам «энергетической безопасности» ЕС.

Однако на практике крупномасштабный глобальный СПГ предпочитает иные, неевропейские рынки. Подтверждением этого служит низкая загрузка мощностей регазификационных терминалов СПГ в ЕС (за пределами Иберийского полуострова, где для СПГ нет разумной газовой альтернативы), которая в целом по ЕС сохраняется на уровне около 25%. Более того, лишь четверть мощностей приемных (береговых) терминалов СПГ ЕС обеспечена трубопроводами, позволяющими поставлять регазифицированный газ вглубь континента, где расположены основные потребители. Создание такой трубопроводной инфраструктуры требует времени и денег.

Поэтому, на мой взгляд, абсолютно прав главный экономист компании BP Спенсер Дейл, утверждающий, что российский трубопроводный газ выиграл глобальную конкуренцию за рыночную нишу на европейском газовом рынке у глобального СПГ. Почему? Потому что в нынешней конъюнктуре российский газ оказывается дешевле для европейских покупателей, чем импортный СПГ (или, иначе, цена отсечения для российского газа в Европе ниже, чем для импортного, в первую очередь американского СПГ). Таким образом, по мнению Дейла, российский газ в Европе нельзя упрекнуть в рыночном доминировании, достигнутом антиконкурентным способом.

Однако при невозможности победы в конкурентной борьбе на первый план могут выйти нерыночные соображения, в данном случае стремление избавиться от доминирования «Газпрома». Похоже, именно этим можно объяснить позитивную дискриминацию в пользу американского СПГ, которую мы сейчас наблюдаем на европейском рынке газа. В этом контексте следует рассматривать и представление мировому общественному мнению контракта PGNiG с Venture Global.

Точка зрения авторов, статьи которых публикуются в разделе «Мнения», может не совпадать с мнением редакции.